

Люди канской тайги (к 100-летию переселенческих родов ЗАТО)

(Окончание. Начало в № 39)

Итак, в мае 1899 года на Тель прибыли две семьи Тупилко (всего 11 человек): Спиридон Евменович (37 лет), его жена Мария (28 лет), мать Евгения (60 лет), сыновья Николай (3 года) и Прохор (1 год); брат Григорий Евменович (21 год, холост), брат Михаил (39 лет), жена его Ефросинья (35 лет), сыновья Ефим (10 лет), Матвей (7 лет), Петр (1 год).

В Сибири у Спиридона родились еще три сына. Николай, Прохор и Афанасий Тупилко построили себе подряд три новых дома, Сергей и Константин остались в отцовском.

В годы войны из их рода были призваны 10 мужчин, шестеро из них погибли. Артем Николаевич Тупилко - коренастый красавец, капитан, командир дивизионной разведки, приехал в отпуск в 1945 году в ладно сшитой офицерской шинели, в папаче, с большим количеством наград (в числе которых был орден Александра Невского). Его мать - вдова Анастасия Лукинична, была так удивлена, что долгое время звала сына на «вы».

Вскоре началась еще одна длительная война, известная всем под названием «холодная». Таежный треугольник между Енисеем, Каном и Транссибирской магистралью площадью в несколько десятков тысяч квадратных километров стали осваивать атомщики. Потянули по Саянским отрогам через распадки, лога и девственные леса высоковольтные линии; стали искать линзы для закачки радиоактивных отходов, рыть котлованы, заготовливать лес, отсыпать дороги, строить избушки и прокладывать тропы.

Жизнь в переселенческих селах изменилась резко: вокруг - «десанты» из геологов, строителей и солдат; новые хозяева, новые связи, другие нравы. И закономерный финал - в 1970 году принимается решение о ликвидации Шумихи, Подпорога, Ново-Николаевки. Выбирай, старожил, куда податься: в другие деревни района или в город за колючей проволокой, зато в комфортные условия, в благоустроенные квартиры. Казалось, радоваться надо - прощай, патриархальный быт, здравствуй, электричество, здравствуйте, теплые туалеты и ванны, но большинство жителей старшего поколения переезжали неохотно.

Иван Максимович Петров приехал в город военным строителем из Вологодской волости, да так и остался здесь. В 1970 году он перевозил семью Константина Спиридоновича Тупилко. Всю дорогу старый таежник плакал, не скрывая слез перед молодым водителем. И произошел в тот день в Ново-Николаевке случай непростой, символический.

Когда колонна машин со скарбом «дважды переселенцев» еще стояла посередине улицы и люди прощались с родными гнездами, два нетерпеливых молодых тракториста обмотали тросом один из брошенных домов и, нажав на рычаги бульдозеров, развалили, раскатали хату по бревнышку. Старуха - бывшая хозяйка, набросилась на них с палкой: «Что вы делаете, нечистое отродье! Проклинаю вас! Проклинаю!» Авторы современных эзотерических теорий сказали бы, что она внесла в души большой заряд разрушительной энергии, так как вскоре один из трактористов перевернулся вместе с трактором и погиб.

Заметка из газеты Сухобузимского района «Ударник социалистических полей», май 1945 года:

«Колхоз имени Ворошилова (Ново-Николаевка) ощущает недостаток в тягловой силе, так как многое отдано для борьбы с гитлеровскими

захватчиками. И вот, чтобы скорее посеять, колхозники решили вывести на полевые работы своих коров. 54 головы КРС работали на полях колхоза.

Систематически и самоотверженно работали на бороньбе на своих коровах колхозницы: Насыко Евдокия, Пирогова Надежда, Сочилко Александра, Тупилко Ирина, Тупилко Ксения, Упирова Мария». Думаю, что комментарии излишни.

В Подпороге в начале 30-х годов крестьянствовали три родных брата. Двое - активные депутаты и члены комбеда, третий жил побогаче, в колхоз вошел не сразу.

По пустяковой причине при молчаливом согласии братьев его в 1931 году посадили в тюрьму. С матерью остались два мальчика, 1925-го и 1930-го годов рождения. Год по всей стране голодный!

Мать шла мимо своей переданной в колхоз полосы, нащипала колосьев. Дали 10 лет. Сирот временно приютил родственник, вскоре вернулся отец. Им помогала матерна сестра Вот ее рассказ:

«Я с девчонками ушла в совхоз «Таежный» на второе отделение. Жизнь там началась совершенно другая: общие бараки, столовая, клуб, баня; дают регулярно зарплату, одна молодежь, весело.

Работала я в столовой. В субботу после обеда котомку с провизией - на спину и босиком за 35 верст в Подпорог. Подкормлю племянников, постираю, приберусь - и в обратный путь».

В конце 30-х вернулась мать. Жить стали лучше, родились еще две дочери. Старшего сына в 1943 году призвали на фронт. После несколько лет он работал в Красноярске-26.

Трое его детей и четверо внучат получили высшее образование. Младший брат и сестры живут в городе, их дети тоже образованные специалисты.

В 1926 г. после войн переселенческий процесс в Сибирь возобновился на прежних условиях. Более того, если жители старожильческих сел переезжали на необжитые пока места, распахивали там землю, то на них распространялись все привилегии.

Так в 1926-29 годах в канской тайге на правом берегу от Есауловки до Кана возникло еще 8 малых деревень и хуторов, в числе их Погорелка, или Горелый Хребет в устье Итата в 30-ти км от Енисея, в глухомани. В числе ее жителей были Жариковы, Манаевы, Макаренко. Наш рассказ - об одном из них.

...В начале 1941 года Костю Макаренко направили на военную службу в г. Сокаль Дрогобычской области на новую западную границу вместе с земляком Николаем Манаевым.

В первые же дни войны они попали в немецкий плен. Костю в мае 1945 года освободили американцы. Почти четыре года - подневольный труд, лагерный паек, баланда из брюквы, унижения, обыски, болезни. Когда пленные жили в концлагере, он заболел дизентерией. Это значило - смерть, так как никто не лечил. Жалкие порции пленные тут же съедали. Спас земляк Коля Манаев - приходил, приносил крохи еды, утаивал, где-то добывал. После их разлучили, направив на работы в разные места. И еще плененному пареньку помогали стихи.

Вот внезапно война прикатила,
И судьба меня кинула в плен...
Вражья пуля меня не убила,
А себя я убить не посмел.

Дорожат нами, как ишаками.
Только несколько лучше пасут –
Полный день над тобою с винтовкой,
На ночь в тухлом бараке запрут.

Так писал Костя Макаренко в конце 1942 года в городе Касселе. Все делалось для растления личности, для низведения человека до животного состояния.

Помнится, там, в Сибири,
Я часто ловил зверей.
Но я никогда их не мучил,
Как мучают люди людей.

(Кассель, январь 1943г.)

Душа противилась угнетению, терзалась, рвалась на свободу и нашла вдруг опору в ритме, в подборе куплетов и слов. Нет, это нельзя назвать стихами по большому счету. Костя сумел окончить только один класс, и не то, чтобы правил стихосложения, но даже и простых правил грамматики не знал. Но он слышал народные песни, постиг душу родной природы, когда пас в колхозе телят в Подпороге, куда в 1933 году переехала их семья. Он фантазировал, как бы имел двойника, с которым перешептывался по ночам в полусне, в минуты роздыха, во время работы. Стихи записывал тайно в блокнот, который хранил изощренно (и сохранил!). Главным мотивом у него был мотив сожаления и отчаяния.

Их лагерные колонны встречались не раз с нашими девушками, угнанными в Германию. Костя стал сочинять поэму с таким сюжетом: русские парень и девушка работали у юнкера в хозяйстве и любили друг друга. Весной пошли в поле, и вдруг налетели самолеты, сбросили бомбы, девушку осколком ранило, пошла кровь, но она с радостью закричала: «Смотри, смотри, звезды на крыльях! Это наши!»

По мере приближения законной расплаты матерые охранники заменялись стариками и юнцами, и в апреле 1945 года он бежал из лагеря. В мае его нашли американцы и передали в советскую зону, где его определили в рабочий батальон. Через год Константин Макаренко в возрасте 26 лет вернулся в Подпорог к матери.

Цветет, наливаясь, шиповник,
И ласково шепчет трава:
«Привет! Ты отсутствовал долго,
Но мы не забыли тебя».

Пенсионер, знаменитый пасечник Константин Михайлович Макаренко ныне живет в Атаманово. Была у него семья. Был сын Александр, который утонул в Канском Пороге. Есть дочь - кандидат наук, преподаватель Академии леса. Есть у него давний друг - двойник Константин Макаренко. В 1989 году друг подарил пианино «Прелюдия». Вечерами после дел по хозяйству садится Константин Михайлович за звучный инструмент и, не зная нот, наигрывает грустные завораживающие мелодии, высоким баритоном поет свои песни. Надо слышать их, чтобы понять, как рвется душа, побывавшая в молодые годы в клетке.

Итак, из 12 правобережных деревень практически не осталось ни одной! Незнающий охотник или забредший турист пройдет, к примеру, по прежней Ново-Николаевке и не определит в зарослях дурнины и молодых деревьев место, где 70 (!) лет горел великий огонь человеческих страстей.

И как искры от костра жизни разлетелись по свету потомки переселенцев. Вы встретите их во многих городах и селах России, особенно в Прикрасноярье и, прежде всего, в Сухобузимском районе и в Атомграде.

Уважаемые горожане, потомки жителей правобережных сел! У вас в этом году будут еще праздничные застолья. Так не забудьте один из тостов поднять за ваших славных предков, кто не побоялся гигантских расстояний, морозов, трудностей при освоении таежных угодий и ровно 100 лет назад зачал в Канской тайге деревни и ваши роды. Вот нам бы их пассионарность!

В. Аференко, краевед

Аференко В. Люди канской тайги : (к 100-летию переселенческих родов ЗАТО) / В. Аференко // Город и горожане. - 1999. - 7 окт. - С. 23. – Окончание. Начало: 30 сент.